

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222294-302>

Исследовательская статья

Гусейнов Юсуп Магомедович
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
g.usup@mail.ru

Идрисов Юсуп Магомедович
кандидат исторических наук, лектор-экскурсовод
Исторический парк «Россия-моя история», Махачкала, Россия
markesob@mail.ru

СОЮЗ МУРТАЗАЛИ-ШАМХАЛА ТАРКОВСКОГО И ФАТАЛИ-ХАНА КУБИНСКОГО В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Аннотация. Целью статьи является анализ влияния союзнических отношений тарковского шамхала Муртазали и его наследника – Баммата с правителем Кубинского ханства Фатали на корректировку кавказской политики высшими лицами Российской империи и её непосредственными представителями на Кавказе в 1760–1780-е гг. На основе критического анализа источников и специальной литературы авторы показывают, что союз, порожденный наличием у обоих правителей общих политических конкурентов, способствовал смягчению давления со стороны последних на каждого из них, а также позволял проводить обоим активную политику не только в Западном, но и в Южном Прикаспии. Методологическую основу статьи составили главные принципы исторической науки: объективность и историзм, предполагающие изучение событий и фактов в конкретных исторических условиях. Опираясь на них, авторы пришли к выводу, что тарковский шамхал Муртазали на протяжении более 20 лет выступал самым надежным союзником Фатали-хана и умелым посредником в его отношениях с Российской империей. В свою очередь, сотрудничество с политическим альянсом Муртазали-шамхала и Фатали-хана позволяло Петербургскому двору и его непосредственным представителям в регионе: во-первых, отстаивать собственные интересы в Закавказье, избегая прямого столкновения с Османской империей и Персией, во-вторых, не превращать свою кавказскую политику в заложницу экспансионистских проектов грузинского царя Ираклия II и других местных владетелей, в-третьих, лучше узнавая местную специфику и расширяя своё экономическое присутствие в регионе, начать подготовку почвы для его последующей интеграции с Россией.

Ключевые слова: Муртазали-шамхал; Фатали-хан; Тарковское шамхальство; Кубинское ханство; Российская империя; Кавказ, Западный Прикаспий; Дагестан; Персия; Дербент; Кайтаг; азербайджанские ханства

Для цитирования: Гусейнов Ю.М., Идрисов Ю.М. Союз Муртазали-шамхала Тарковского и Фатали-хана Кубинского в кавказской политике Российской империи во второй половине XVIII в. // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 2. С. 294-302. doi: [org/10.32653/CH222294-302](https://doi.org/10.32653/CH222294-302)

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222294-302>

Research paper

Yusup M. Guseynov
Dr. Sci., Leading Researcher
Institute of the History of Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
g.usup@mail.ru

Yusup M. Idrisov
Cand. Sci., Lecturer and Tour Guide
Historical Park “Russia – My History”, Makhachkala, Russia
markeso6@mail.ru

THE ALLIANCE OF MURTAZALI-SHAMKHAL OF TARKI AND FATALI-KHAN OF QUBA IN THE CAUCASIAN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract. This article analyzes how the alliance between the Tarki Shamkhals (Murtazali and his successor, Bammat) and the ruler of the Quba Khanate, Fatali Khan, influenced the calibration of Caucasian policy by the Russian Empire’s high officials and regional representatives during the 1760s–1780s. Utilizing a critical analysis of primary sources and specialized literature, the authors demonstrate that this alliance, forged to counter mutual political rivals, mitigated external pressures on both principalities, enabling them to pursue active geopolitical strategies across the Western and Southern Caspian regions. The study’s methodological framework is grounded in the core principles of objectivity and historicism, examining historical facts and events within their specific contemporary contexts. Based on these principles, the authors conclude that for over twenty years, Shamkhal Murtazali served as Fatali Khan’s most reliable ally and a skilled mediator in the khan’s relations with the Russian Empire. In turn, strategic engagement with the Murtazali-Fatali alliance allowed the St. Petersburg court and its regional representatives to achieve several key diplomatic and geopolitical objectives. First, it enabled Russia to defend its interests in Transcaucasia while avoiding direct military confrontations with the Ottoman Empire and Persia. Second, it prevented Russia’s Caucasian policy from becoming hostage to the expansionist ambitions of the Georgian King Erekle II and other regional potentates. Finally, by fostering a deeper comprehension of local dynamics and expanding Russia’s economic footprint, this cooperation effectively laid the groundwork for the region’s subsequent integration into the Russian Empire.

Keywords: Murtazali Shamkhal; Fatali Khan; Shamkhalate of Tarki; Quba Khanate; Russian Empire; Caucasus; Western Caspian region; Dagestan; Persia; Derbent; Kaitag; Azerbaijani khanates

For citation: Guseynov Yu.M., Idrisov Y.M. The Alliance of Murtazali-Shamkhal of Tarki and Fatali-Khan of Quba in The Caucasian Policy of the Russian Empire in the second half of the 18th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 294-302. doi. [org/10.32653/CH222294-302](https://doi.org/10.32653/CH222294-302)

Введение

Союзнические отношения тарковских шамхалов и кубинских ханов вносили определенную корректировку в кавказскую политику Российской империи. Вообще, изучение истории народов Кавказа второй половины XVIII в. представляет несомненный научный интерес в контексте исследования предпосылок последующего процесса присоединения региона к Российской империи. Если в позднесоветский период в научных кругах была популярна идея о преимущественно добровольном вхождении кавказских народов в её состав, то в 1990-е гг. в республиках Северного Кавказа напротив превалировала расстановка акцентов на негативных, насильственных аспектах истории присоединения их территорий к России.

Данный дискурс в еще более ярких своих проявлениях получил широкое распространение в современной историографии стран Закавказья [1, с. 111; 2, с. 11–12]. Обе точки зрения, на наш взгляд, упрощают многоаспектный, противоречивый и совершенно нелинейный процесс интеграции, обусловленный религиозно-этнической и политической пестротой региона, его сложным рельефом, а также регулярным отвлечением внешнеполитического вектора России на западное и юго-западное (крымское) направления. Очевидно, что столь сложные явления требуют взвешенного объективного анализа на основе активного использования новых методологических подходов. Одним из них, на наш взгляд, является более пристальное внимание к роли личности в исторических процессах, а также личному взаимодействию политических деятелей прошлого. В последние годы российскими историками написаны интересные труды, позволяющие через изучение судьбы конкретных политических деятелей осветить широкий контекст эпохи, а также по-новому взглянуть на уже давно известные факты и документы.

Среди них, в частности, отметим книги «Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век)» В. Дегоева и «Цицианов» В. Лапина [3; 4]. Несомненно, значительную перспективу для многомерной реконструкции прошлого кавказского региона представляет и исследование взаимоотношений местных политических деятелей друг с другом и с правителями таких держав как Российская империя, Турция и Персия.

Основная часть

В середине XVIII в. после гибели иранского шаха Надира и начала многолетней смуты в Персии произошли масштабные метаморфозы в социально-политической системе восточной части Закавказья, в результате которых возник ряд новых независимых азербайджанских ханств. Крупнейшими и активнейшими из них вначале были Карабахское и Шекинское, но с конца 1750-х гг. политическое лидерство в регионе перехватывает молодой кубинский хан Фатали (1758–1789), происходивший от лишившейся в XVII в. власти маджалисской ветви кайтагского уцмийского дома. Изначально под его властью находились только сравнительно небольшие Кубинское ханство и Сальянское владение. Первое из них занимало пространство от реки Самур на севере до Апшеронского полуострова на юге, а второе располагалось вокруг низовьев р. Куры. Находившиеся на выгодном торговом пути вдоль каспийского побережья, они, однако, не образовывали единой компактной территории, так как между ними простиралось Ширванское ханство, что и обусловило вражду Фатали-хана с последним, стремившегося соединить оба свои владения. Уже в первые годы правления он смог присоединить к своим владениям Дербентское ханство и установить собственный сюзеренитет над правителями Бакинского, Тальшского и в меньшей степени Шекинского ханств [5, с. 111]. Большой интерес к внешнеполитической деятельности молодого, но активного уже в тот период хана проявляла и российская дипломатия. Основным источником информации для нее служили сообщения редких русских агентов в Закавказье и переписка с местными владельцами, в том числе с тарковским шамхалом.

К моменту восшествия на кубинский престол Фатали-хана Тарковское шамхальство, занимавшее пространство между реками Сулак и Орусай-Булак, было охвачено противоборством двух претендентов на престол – родного племянника умершего в апреле 1759 г. шамхала Хасбулата Тишсиз-Баммата и его двоюродного брата Махди. Помимо них в усобице участвовали и их союзники: кайтагский уцмий Амир-Гамза (1751–1787) и кубинский хан Фатали на стороне первого и казикумухский хан Мухаммад и акушинский кадий Гусейн на стороне второго. Причиной конфликта послужило стремление шамхала Хасбулата в обход традиционной «лествичной» системы передать власть не старшему

в роде – двоюродному брату по отцу Махди, а своему ближайшему кровному родственнику. Победив на первом этапе усобиц и заняв престол, Махди вскоре передал власть своему старшему сыну Муртазали, что породило уже второй этап противостояния, на этот раз уже между ним и Тишсиз-Бамматом.

В 1764 г., добившись примирения с уцмием и Фатали-ханом, Муртазали одержал окончательную победу над противником, удалившимся в собственный удел – Бамматула в верховьях реки Шура-озень. В 1765 г. шамхалу удалось расколоть союз Фатали и Амир-Гамзы, окончательно переманив первого в стан своих верных союзников [6, с. 178, 180].

Крепости вновь созданного союза способствовали исторические и экономические связи Тарковского шамхальства с Кубинским ханством. Еще в те времена, когда правители последнего были вассалами Сефевидов, на его территории располагались сёла, с которых шамхал получал доходы в счёт шахского жалования за охрану северных границ. Сами эти владения также связывали тесные торгово-экономические отношения, в частности, из Тарков к пристани Кубинского ханства периодически плыл специальный струг для закупки пшеницы и риса [7, с. 38; 8, с. 273]. Впрочем, наличие этих объективных предпосылок союза не отменяло и факта личной дружбы, без которой сотрудничество владельцев вряд ли бы выдержало испытание временем и бурными событиями исследуемой эпохи.

В.Н. Левиатов утверждал, что Муртазали и Фатали заключили союз под влиянием российского правительства [9, с. 103]. Однако введенные в последующие десятилетия в научный оборот источники свидетельствуют, что Фатали к союзу с шамхалом непосредственно подтолкнул конфликт с кайтагским уцмием, вступившим было в Дербент. Жители последнего призвали Фатали, значительную помощь которому в изгнании кайтагских сил из города оказал шамхал [10, с. 94]. В благодарность Муртазали был поощрён ханом доходами с ряда селений в Мюшкюрском и Шабранском магалах Кубинского ханства [11, с. 183].

Союзники не ограничились оборонительными действиями. В декабре 1767 г. Темир Хамзин докладывал кизлярскому коменданту ген.-м. Н.А. Потапову о том, что шамхал и Фатали-хан совместными усилиями изгнали уцмию из его столицы – селения Башлы¹. Отношение России к тарковско-кубинскому союзу в этот период было скорее нейтрально-настороженным. Так, местная военная администрация в лице коменданта Кизлярской крепости всячески препятствовала вовлечению в конфликт на чьей бы то ни было стороне напрямую вассальных от России северокумыкских владетелей – князей Айдемировых, Хамзиных, Эльдаровых, Каплангереевых (Каплановых) и других [6, с. 181].

В преддверии начинавшейся Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. крымские эмиссары посетили Фатали-хана Кубинского и Муртазали-шамхала Тарковского, предложив перейти им на сторону турецкого султана. Оба правителя ответили вежливым отказом². Их нейтралитет объясним пассивностью России в регионе, руководство которой имело крайне смутные представления о кавказских владениях. Об этом, например, свидетельствуют запросы Екатерины II российскому командованию на Северном Кавказе на составление карты границ Грузии и о наличии у неё портов на Каспийском море [8, р. 134]. В годы войны позиция России в отношении тарковско-кубинской коалиции становится значительно более благожелательной.

В 1768 г. Фатали-хану удалось, заключив союз с шекинским ханом Гусейном, захватить столицу Ширванского владения Шемаху. Однако вскоре недавние союзники вступили в жестокое противоборство при дележе захваченной ими территории. Шекинский хан вступил в союз с аварским владетелем Нуцал-ханом и Ибрагим-ханом Карабахским. Их также поддержал свергнутый ширванский хан Агаси с оставшимися преданными ему сторонниками [13, с. 244–245].

Захват Фатали-ханом Ширванского ханства и гибель в 1771 г. в борьбе с ним сыновей аварского хана, вызвали выступление против него новой еще более представительной коалиции в лице Нуцал-хана Аварского, Амир-Гамзы Кайтагского, Мухаммад-хана Казикумухского, Али-Султана Мехтулинского и Тишсиз-Баммата Казанищенского, опасавшихся дальнейшего роста его могущества. Не прочь к этому союзу были примкнуть и вассалы Российской империи – владетели Эндиреевского и Костековского княжеств Темир Хамзин и Хамза Хамзаев, но им это было строго запрещено кизлярским комендантом Ф.И. Паркером. Шамхал Муртазали оказывал Фатали активную поддержку в его политических акциях, периодически направляя в помощь ему свои войска во главе с братом – буйнакским крым-шамхалом (титул официального наследника) Бамматом, а порой и лично выступая во главе их

1 Дагестано-русские отношения в XVIII– начале XIX вв. / Сб. док. под ред. Гаджиева В.Г. 1974. // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Лл. 468–469.

2 Сношения России с Грузией // Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 110. 1768–1774 гг. Д. 7. Л. 86 об-87.

[6, с. 180–181, 192]. Известно, что Фатали выделял шамхалу по 30 рублей на каждого воина, участвующего в военных операциях в Восточном Закавказье [14, с. 124].

1772–1773 гг. были пиком могущества коалиции тарковского шамхала и кубинского хана. Вместе с тем, их усиление объединило против них ряд ранее конкурировавших между собой владельцев. 6 февраля 1772 г. шамхал Муртазали сообщил губернатору Н.А. Бекетову: «А ныне аварский владетель и женгутейский Али Солтан, и Тишсиз Бамат намерение де имеют чинить нападение на вышеописанного состоящего к стороне российской монархине верностию кубинского хана» [15, с. 139]. Их противники также пытались добиться покровительства и помощи у России. 2 марта 1772 г. аварский хан направил письмо кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру, прося его повелеть аксаевскому и эндириевским владетелям оказать ему помощь, а шамхалу Муртазали, «чтоб жил на своём месте с покоем»³.

К антикубинской коалиции в это время примкнул и грузинский царь Ираклий II. Тем не менее, в этот период русское правительство благоволило к Фатали-хану. В Петербурге понимали, что победа противной Фатали-хану коалиции, даже несмотря на наличие в ней союзной Грузии, существенно ослабит позиции России в каспийских ханствах и, наоборот усилит влияние Турции. Дело в том, что Ибрагим-хан, который в случае победы становился хозяином положения в ханствах, являлся активным сторонником проосманской ориентации [16, с. 160]. Ярким свидетельством поддержки Петербургом Фатали является угроза Мухаммад-хану Казикумухскому направить против него войска, в случае если его отряды не покинут пределы Кубинского ханства. Мухаммад-хан был вынужден принять ультиматум и вывести войска [17, с. 81].

В 1773–1774 гг. российское правительство было отвлечено от Кавказа боевыми действиями на Дунае и восстанием Емельяна Пугачёва. Воспользовавшись этим, антикубинская коалиция перешла в наступление против Фатали-хана. В июле 1774 г. Фатали-хан в результате объединенных действий дагестанских владетелей Амир-Гамзы, Рустама-кади Табасаранского, Умма-хана Аварского, Али-Султана Мехтулинского, Тишсиз-Баммата Казанищенского и их азербайджанских союзников потерпел поражение в Гавдушанской битве и отступил на юг своих владений в Сальяны. Войска Амир-Гамзы тем временем осадили Дербент, обороняемый от него его же сестрой – женой Фатали-хана Тути-бике. На подступах к Дербенту кайтагцы захватили в плен российского ученого-натуралиста академика Г.С. Гмелина. Союзник Фатали-хана Муртазали запросил помощь дербентцам у русских властей. Взятие и разграбление Дербента войсками кайтагского уцмья могло бы нанести значительный ущерб русской торговле на Каспии. Кроме того, у российской военной администрации на Кавказе был и другой повод активного военного вмешательства – вышеупомянутое пленение уцмием Г.С. Гмелина [18, с. 146; 19, с. 62]

Здесь поясним, что уцмий Амир-Гамза уже два десятилетия требовал от непосредственного главы российской администрации в Западном Прикаспии – кизлярского коменданта – содействия в возвращении ему бежавших из Кайтага еще при его отце уцмие Ахмед-хане в Засулакскую Кумыкию терекемейских и еврейских семей. Русские власти уклонялись от вмешательства в его споры с принявшим беглецов к себе кумыкским воеводой Алишем Хамзиным, имевшим чин бригадира российской армии. Разочарованный их действиями уцмий неоднократно пытался захватить в баранту кого-либо из русских подданных и обменять их на беглых крестьян и ремесленников. Барантой на Кавказе называли захват имущества для принуждения выплаты долга или выполнения других обязательств [20, с. 211]. Именно в качестве объекта такой баранты и рассматривал Г.С. Гмелина уцмий Амир-Гамза. Но преждевременная смерть молодого академика 27 июля 1774 г. от малярии разрушила его планы [21, с. 55].

Еще до прихода русских сил войска Муртазали-шамхала дважды пытались прорвать кольцо окружения и оказать помощь осажденным со всех сторон дербентцам. Об этом свидетельствуют современники, майоры русской службы Фромгольд и А. Черкасский, находившиеся в Тарках в январе 1775 г.

По их сведениям, в урочище Бугам войска союзников Кубы «немало имело» сражений. Несмотря на то, что таркинцам и буйнакцам не удалось прорвать блокаду, они отбили пленных кубинских и дербентских жителей и, оттянув на себя значительные силы противника, облегчили положение дербентцев, выдержавших девятимесячную осаду [22, с. 539]. По словам советского историка Г.Б. Абдуллаева, на решение русской администрации помочь Фатали-хану повлияло не только желание покарать уцмья за гибель Г.С. Гмелина, но и данная ему Муртазали характеристика «как преданного России человека, что имело несомненное значение в усилении расположения русского двора к государству Фатали-хана, так как самому шамхалу русская власть доверяла» [22, с. 540].

³ Переводы писем андреевских, кабардинских владельцев и Тарковского шамхала о состоянии дел в Кабарде, о краже лошадей, происшествиях и др. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1. Д. 852. Л. 86.

В начале марта 1775 г. де Медем выступил из Кизляра с 5-тысячным отрядом по направлению к Дербенту, который уже девять месяцев осаждался войсками уцмий. К наступающим войскам присоединились и отряды шамхала Муртазали. 28 марта де Медем достиг урочища Иран-Хараб. Уцмий, оставив осаду Дербента, направил свои силы на де Медема, но был разбит и с большими потерями обращен в бегство. Фатали-хан прибыл в русский лагерь и также присоединил свои силы к корпусу де Медема для продолжения борьбы против Амир-Гамзы. Вскоре силы майора Криднера и Фатали-хана разбили уцмий и его союзника казикумухского Мухаммад-хана [23, с. 134; 24, с. 42].

Таким образом, Фатали-хан с помощью России нейтрализовал своих противников, восстановил собственное пошатнувшееся положение и усилил влияние на Восточный Кавказ. Фатали-хан послал Екатерине II в Петербург ключи от Дербента и просил принять его под покровительство России. Это была попытка получить с помощью России гарантии независимости от притязаний Персии на его земли. Однако в 1770-х годах русское правительство еще не могло и не желало нарушать установившийся в Закавказье порядок и менять в регионе расстановку политических сил. В ответ на просьбу Фатали-хана Коллегия иностранных дел дипломатично ответила, что кубинский хан не имеет ни малейшего права отклоняться «от персидской зависимости» и «подчинения сей державе» по причине их «единой природы и единоверия» [16, с. 160]. Петербургу было невыгодно обострять отношения с Персией, с территории которой в Россию поступал ряд ценных товаров и в первую очередь шёлк. Кроме того, в ней традиционно видели противовес османскому влиянию в регионе. Вследствие этого отряд де Медема был отозван.

Россия пыталась примирить между собой конфликтующие стороны, усилить собственное влияние в регионе и не допустить вмешательство Стамбула. Российскому командованию на Кавказе удалось дважды организовать встречи местных владетелей: 24 марта и в середине апреля 1776 г. В них участвовали Фатали-хан Кубинский, кайтагский уцмий Амир-Гамза, шамхал Муртазали Тарковский, буйнакский владетель Бамат, табасаранский кадий Рустам, казикумухский Мухаммад-хан, акушинский кадий и другие владетели. Российскую сторону представлял майор Фромгольд. Под давлением России уцмий Амир-Гамза был вынужден пойти на заключение мира с Фатали-ханом [25, с. 26]. Последствия экспедиции де Медема были вполне ощутимы и спустя годы. Так, когда в 1785 г. аварский владетель Умма-хан попытался организовать отряды против Фатали, то, согласно рапорту брагунского князя, он не смог собрать достаточное число людей для их формирования⁴.

После того как в 1779 г. скончался фактический правитель Персии Керим-хан Зенд, в стране началась ожесточенная борьба за власть между его племянником Али-Мурадом и лидером могущественного клана Каджар Ага-Мухаммед-ханом [14, с. 133]. Свои виды на персидское политическое пространство были и у фаворита российской императрицы князя Г. Потёмкина. Статс-секретарь Екатерины II А. Храповицкий утверждал, что Г. Потёмкин разработал секретный проект по захвату Дербента, Баку и Гиляна и образованию из них нового государства – Албания, «для будущего наследия Великого князя Константина» [26, с. 228]. Воплотить проект в жизнь должен был протеже князя А.В. Суворов. В 1780 г., по приезде в Астрахань, Суворов инициировал тайные переговоры с гилянским правителем Гедаят-ханом, предложив ему вступить в русское подданство [26, с. 228]. Капитан Марко Войнович даже основал русский форт на персидском берегу близ Астрабада. Под его влиянием Фатали-хан, стремившийся к укреплению отношений с Россией, согласился на уступки русским купцам, обещая в скором будущем даже вовсе отменить пошлины с них. Однако отряд М. Войновича был вынужден покинуть Персию под давлением Ага-Мухаммада Каджара [27, с. 120; 28, с. 25].

Кроме вышеотмеченных, граничащих с откровенной авантюрой политических проектов Г. Потёмкина, живейший интерес российской Коллегии иностранных дел в описываемые годы вызвали практические интересы русской торговли на Востоке. Пример процветания Ост-Индской компании убедил европейские дворы в чрезвычайной выгоде торговли с Индией. В свою очередь, владетели государственных образований Восточного Кавказа также были крайне заинтересованы в развитии экономических отношений с Россией, переживавшей во второй половине XVIII в. очередной расцвет мануфактурного производства [28, с. 110, 113]. Эти факторы также не могли не способствовать сглаживанию взаимных противоречий.

Ага-Мухаммад изгнал Гедаят-хана из его владения, который в ответ призвал на помощь кубинцев, кайтагцев и шамхальцев. Совместными усилиями им удалось вытеснить из Гилянского ханства войска будущего основателя династии Каджаров [29, с. 92].

4 Делопроизводство за 1786 г. // Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 24. Л. 46.

Фатали-хан понимал, что усиление Ага Мухаммед-хана, претендовавшего на объединение всей Персии, угрожало его независимости и оказал помощь сопернику Ага-Мухаммеда, его брату Муртаза-Кули-хану в завоевании в 1787 г. Решта [30, с. 37].

В начале 1780-х гг. интересы тарковско-кубинского союза вступили в противоречие с устремлениями Петербурга по укреплению власти грузинского царя Ираклия II. При содействии Турции конкурировавший за власть с Ираклием царевич Александр установил связь с некоторыми владельцами Дагестана. Узнав, что в Кубе собираются войска для борьбы против Кахетино-Картлийского царства и Карабахского ханства, 27 августа 1782 г. в сопровождении группы своих приверженцев царевич приехал в Дербент к Фатали-хану. Из сообщения Фатали-хана Екатерине II «... после прибытия Александра в Дагестан приехали в Дербент Муртазали шамхал, Амир Гамза – уцмий Кайтагский, Али-Султан Дженгутаевский со всеми дагестанскими старшинами и все уговаривали Фатали-хана взять с собою Александра хана и итти войною на Ираклия хана и его из Тефлиса выгнать, а на его место поставить Александра хана» [10, с. 154]. Впрочем, для обострения отношений с Ираклием II Фатали-хану не были нужны чьи-либо уговоры. Их политические интересы объективно вступали в противоречие. Фатали-хан стремился к захвату Гянджи, Карабаха и Тавриза и видел себя правителем могущественного государства, наследующего северные провинции Сефевидского Ирана, одной из которых некогда была и Восточная Грузия. В свою очередь, Ираклий, уже имевший в подчинении ряд населенных азербайджанцами территорий, также стремился к расширению собственного государства в восточном направлении.

В декабре 1782 г. грузинский царь направил Екатерине II письмо, в котором прямо обвинял Фатали-хана в поддержке действий Александра и просил помощи против них. Откликаясь на его просьбу, Г.А. Потёмкин начал готовить войска для захвата Дербента. Предполагалось занятие всех прикаспийских провинций вплоть до Гиляна, то есть возвращение к границам в регионе до заключения русско-персидского Рештского договора 1732 г. В Астрахани был уже заготовлен провиант на 6 тысяч солдат, но их выступление задерживалось до окончания «всех дел в Крыму и на Кубани», вызванных присоединением территорий упраздненного Крымского ханства в состав империи. Были начаты переговоры с наиболее сильными конкурентами Фатали-хана среди азербайджанских владельцев – Ибрагим-ханом Карабахским и Ахмет-ханом Хойским. Последнему на просьбу о приеме в подданство был дан совет по примеру шамхала Муртазали направить в Петербург депутацию с присягой [29, с. 143, 144–145]. Тем временем, сам Муртазали выступил в защиту своего союзника и составил специальную записку для русского командования о полной лояльности дербентского хана России. Посол Фатали-хана Мирза Садык в начале августа 1783 г. также представил записку в Коллегию иностранных дел, в которой попытался еще раз объяснить, что его хан абсолютно предан императрице, отказался от поддержки царевича Александра и якобы ждет прихода русских войск, чтобы совместно с ними завоевать для России персидские провинции на западном берегу Каспийского моря и «места даже до Индии»⁵. По итогам ознакомления с письмом шамхала и посланием самого Фатали, а также взвесив все сложности и издержки отправки войск, в частности возможное противодействие со стороны Османской империи и Персии, в Петербурге отказались от идеи нового дербентского похода.

Якоб Рейнеггс называл шамхала Муртазали «оракулом Дагестана» [31, с. 270], но, как следует из источников, его влияние выходило далеко за рамки одного только Дагестана. Так, в январе 1784 г., когда Муртазали вёл переговоры о переходе в российское подданство, он особо просил «оставить в подчинении его народ ингушевский, на прежнем основании, говоря, что на сем народе и подати его остались» [30, с. 134; 32, с. 636]. Если в 1775 г. попытки шамхала войти в российское подданство были отклонены и даже был отпущен назад в Тарки выданный им в аманаты племянник, как правителя «не принадлежащего к российской державе», то в этот раз Екатерина II благосклонно приняла прошение, что среди прочего означало отход от прежней политики нейтралитета в отношении недавних вассалов персидских шахов⁶.

К середине 1780-х гг. Фатали-хан вновь переориентировался на юг, но в 1784 г., когда его войска заняли Ардебиль, он получил приказ командующего российской армией на Кавказе генерал-поручика П.С. Потёмкина оставить названный город и был вынужден подчиниться [29, с. 141]. Весной этого года Али-Мурад Зенд обещал передать России права на кавказские владения Персии взамен её помощи

⁵ Переписка главноначальствующего на Моздокской линии генерал-поручика Павла Потёмкина с князем Потёмкиным-Таврическим и с подчиненными ему лицами // РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 17. Л. 468 об.

⁶ Рескрипт генерал-поручику Медему // АВПРИ. Ф. 121. Оп. 1. 1775. Д. 1. Л. 1; Рескрипты Екатерины II Екатерине II президенту Военной коллегии кн. Г. А. Потемкину // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 2. Д. 31. Л. 3-3 об.

в его борьбе с Ага-Мухаммад-ханом [33, р. 162]. Несмотря на то, что российские дипломаты так и не дали ему положительного ответа, Петербургу было очевидно, что формирование в Юго-Западном Прикаспии нового мощного государства снижало шансы к укреплению здесь российского контроля. Дороживший отношениями с Россией и опасавшийся новых совместных действий против него Ибрагим-хана Карабахского, аварского хана и кайтагского уцмья кубинский хан был вынужден уступить нажиму П.С. Потемкина. Не могла не повлиять на принятое им решение и весть о смерти его самого преданного союзника – шамхала Муртазали.

Об устойчивости и неслучайном характере тарковско-кубинских союзнических отношений говорит тот факт, что они пережили смерть Муртазали-шамхала и сохранились при его преемнике – брате Баммате, в 1788 г. оказавшем помощь Фатали в отражении похода Умма-хана Аварского и в подчинении Шекинского ханства [15, с. 203]. Тем не менее, смерть самого Фатали-хана в 1789 г. и приход к власти его куда менее талантливых наследников, озабоченных удержанием власти в собственных пределах, нежели продолжением отцовской экспансионистской политики, привела к распаду многолетней коалиции.

Заключение

Союз между Муртазали Тарковским и Фатали Кубинским был обусловлен общностью политических интересов на Восточном Кавказе, а не влиянием соседних держав. Вместе с тем, оба правителя, будучи хорошо информированы о политическом и экономическом состоянии соседних с Кавказом держав, сделали ставку на укрепление многообразных отношений, прежде всего именно с Россией, как наиболее передовой из них. Их дипломатические контакты с Петербургом смягчили политику его представителей в Западном Прикаспии, а всё расширяющиеся экономические отношения с Россией оказывали положительное воздействие на общий рост благосостояния их подданных.

Без учета этого позитивного потенциала российско-кавказских отношений во второй половине XVIII в. невозможно понять все аспекты последующих интеграционных процессов начала XIX столетия. Изучение долговременных дружественных отношений между кавказскими владельцами представляет значительный научный интерес, способствуя расширению познавательных горизонтов и углублению исследовательского ракурса, отказу от одномерного восприятия прошлого и неверных стереотипов, чем оно несомненно благотворно воздействует на развитие межнациональных отношений на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нацваладзе М.А. Русская драматургия убийств европейских послов Ираклия II // Научный журнал. № 4(59). 2021. С. 29–41.
2. Искандарова М.С. Российская политика в Азербайджане в первой трети XVIII века (современный взгляд) // Colloquium-journal. 2022. №11 (134). С. 9–14.
3. Дегоев В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Издатель Модест Колеров, 2013. – 256 с.
4. Лапин В.В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. – 542 с.
5. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Южного Дагестана XVII – нач. XIX в. Махачкала, 2001. – 321 с.
6. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008. – 293 с.
7. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские государственные образования в кавказской политике России (вторая половина XVI – первая половина XVIII в.): дисс... д.и.н. Саранск, 2022. – 517 с.
8. Успенский В.Л., Яхонтова Н.С. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267–292.
9. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. – 228 с.
10. Магомедов Н.А. Дербентско-Кубинское ханство и его влияние на политическое положение и экономическое развитие Дагестана (вторая половина XVIII – начало XIX в.). Махачкала, 2012. – 326 с.

REFERENCES

1. Natsvaladze MA. Russian dramaturgy of the murders of Heraclius II's European ambassadors. *Scientific Journal*. 2021; 59(4): 29-41. (In Russ)
2. Iskandarova MS. Russian policy in Azerbaijan in the first third of the 18th century (a modern view). *Colloquium-Journal*. 2022; 134(11): 9-14. (In Russ)
3. Degoev V. *Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time (18th century)*. Moscow: Publisher Modest Kolerov, 2013.
4. Lapin VV. *Tsitsianov*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. (In Russ)
5. Aliev B.G., Umakhanov M.-S.K. *Historical geography of Southern Dagestan: 17th – early 19th centuries*. Makhachkala, 2001. (In Russ)
6. Feodaeva FZ. *Russian-Dagestani relations in the second half of the 18th – early 19th centuries*. Moscow: Taus, 2008.
7. Abdusalamov M-PB. *Kumyk state formations in the Caucasian policy of Russia (second half of the 16th – first half of the 18th century)*. Doctoral Diss. Saransk, 2022. (In Russ)
8. Uspensky VL., Yakhontova NS. Letters of Kalmyk rulers from the early 18th century in the Library of St. Petersburg State University. *Tibetology in St. Petersburg: collection of articles. Issue 2*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021: 267-292. (In Russ)
9. Leviatov VN. *Essays on the history of Azerbaijan in the 18th century*. Baku, 1948. (In Russ)

11. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 173–196.
12. Davies B.L. *The Russo-Turkish war, 1768–1774*. Bloomsbury Academic, 2016. – 340 p.
13. Мерквиладзе Д. Противостояния между кавказскими ханами в 1768–1774 гг. и Эрекле II // *Amirani XXXVI*. Montreal-Tbilisi, 2022. С. 242–255.
14. Mustafazadə T.T. *Quba xanlığı*. Bakı, Elm, 2005. – 480 s.
15. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев М., 1988. – 355 с.
16. История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век. М.: Парадигма, 2018. – 293 с.
17. Курбанов А.Д. Деятельность Мухаммад-Хана Гази-Кумухского В 40–80-х годах XVIII в. в контексте борьбы держав за господство на Северо-Восточном Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (74). Ч. 3. С. 80–83.
18. Атаев Р.А. Бамматулинское владение в XVII – начале XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение: дисс... к.и.н. Махачкала, 2010. – 191 с.
19. Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан. М.: Книжный Мир, 2014. – 384 с.
20. Гусейнов Ю.М. Эволюция и корреляция мусульманского права и адата у кумыков в XVIII–XXI вв. Махачкала, 2024. – 399 с.
21. Абдусаламов М.-П.Б. Жизнь, отданная российской науке (к памяти выдающегося немецкого ученого Самуила Георга Готлиба Гмелина) // Страна – наука – люди: к 300-летию Российской академии наук. Материалы всероссийской научной конференции. СПб., 2023. С. 55–56.
22. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1965. – 621 с.
23. Бакханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. – 304 с.
24. Муртазаев А.О. Поход русских войск под командованием Де Медема в Дагестан в 1775 г.: причины и последствия // Вестник Института ИАЭ. 2007. № 1. С. 36–47.
25. Муртазаев А.О. Особенности взаимоотношений дагестанских владетелей в 50–80-х гг. // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 2. С. 16–33.
26. Памятные записки А. Храповицкого статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М.: Университетская типография, 1862. – 294 с.
27. А.В. Суворов. Сборник документов. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. – 688 с.
28. Гёзалова Н.Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). М.: ООО «ИРИС ГРУПП», 2010. – 244 с.
29. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. II. – 602 с.
30. Мустафаев Дж.М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.). Баку: Элм, 1989. – 128 с.
31. Рейнеггс Я. Историческое и географическое описание Кавказа // Дагестан в известиях русских и европейских авторов. Махачкала, 1992. С. 249–289.
32. Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. Новые арабоязычные источники по истории взаимоотношений шамхала Махди-Хана Тарковского и Бийбулата Таймиева // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 3. С. 626–641.
33. Farroch K. *Iran at war 1500–1988*. Oxford: Osprey Publishing, 2011. – 480 pp.
10. Magomedov NA. *The Derbent-Quba Khanate and its influence on the political situation and economic development of Dagestan (second half of the 18th – early 19th century)*. Makhachkala, 2012. (In Russ)
11. Serebrov AG. Historical and ethnographic description of Dagestan. 1796. *History, Geography and Ethnography of Dagestan*. Moscow, 1958:173-196. (In Russ)
12. Davies B.L. *The Russo-Turkish war, 1768–1774*. Bloomsbury Academic, 2016.
13. Merkviladze D. Confrontations between Caucasian khans in 1768–1774 and Erekle II. *Amirani XXXVI*. Montreal-Tbilisi, 2022: 242-255. (In Russ)
14. Mustafazadə T.T. *Quba xanlığı*. Bakı: Elm, 2005.
15. *Russian-Dagestani relations in the 18th – early 19th century: collection of documents*, ed. by V.G. Gadzhiev. Moscow, 1988.
16. *History of Russian foreign policy: in 5 vols. Vol. 2. 18th century*. Moscow: Paradigma, 2018. (In Russ)
17. Kurbanov AD. Activities of Muhammad Khan of Gazi-Kumukh in the 40s–80s of the 18th century in the context of the struggle of powers for dominance in the North-Eastern Caucasus. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. 2016; 74(12): 80-83. (In Russ)
18. Ataev RA. *The Bammatala possession in the 17th – early 19th century: socio-economic development and political status*. Cand. Sci. Diss. Makhachkala, 2010. (In Russ)
19. Airapetov OR., Volkhonsky MA., Mukhanov VM. *The road to Gulistan*. Moscow: Knizhny Mir, 2014. (In Russ)
20. Guseynov YuM. *The evolution and correlation of Islamic law and adat among the Kumyks in the 18th–21st centuries*. Makhachkala, 2024. (In Russ)
21. Abdusalomov M-PB. A life given to Russian science (to the memory of the outstanding German scholar Samuel Georg Gottlieb Gmelin). *Country – Science – People: to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. St. Petersburg, 2023: 55-56. (In Russ)
22. Abdullaev GB. *Azerbaijan in the 18th century and its relations with Russia*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Az. SSR, 1965. (In Russ)
23. Bakikhanov A-K. *Gulistan-i Iram*. Baku: Elm, 1991. (In Russ)
24. Murtazaev AO. The campaign of Russian troops under the command of De Medem to Dagestan in 1775: causes and consequences. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2007; 1: 36-47. (In Russ)
25. Murtazaev AO. Features of relations between Dagestani rulers in the 50s–80s. *Bulletin of the Institute of IIAE*. 2008; 2: 16-33. (In Russ)
26. *Memoirs of A. Khrapovitsky, State Secretary of Empress Catherine the Second*. Moscow: Universitetskaya Tipografiya, 1862. (In Russ)
27. A.V. Suvorov. *Collection of documents. Vol. 2*. Moscow: Voenizdat, 1951. (In Russ)
28. Gezalova NR. *Questions of the history of Azerbaijan in the 18th century (based on English-language sources and historiography)*. Moscow: Iris Group, 2010. (In Russ)
29. Butkov PG. *Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803. Pt. II*. St. Petersburg, 1869. (In Russ)
30. Mustafaev DzhM. *Northern khanates of Azerbaijan and Russia (late 18th – early 19th centuries)*. Baku: Elm, 1989. (In Russ)
31. Reineggs J. Historical and geographical description of the Caucasus. *Dagestan in the Accounts of Russian and European Authors*. Makhachkala, 1992: 249-289. (In Russ)
32. Idrisov YuM., Khanmurzaev II. New Arabic-language sources on the history of relations between Shamkhal Mahdi Khan Tarkovsky and Beibulat Taimiev. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(3): 626-641. (In Russ)
33. Farrokh K. *Iran at war 1500–1988*. Oxford: Osprey Publishing, 2011.

Поступила в редакцию 02.06.2025
 Принята в печать 16.11.2025
 Опубликована 30.06.2026

Received 02.06.2025
 Accepted 16.11.2025
 Published 30.06.2026